

Из конфиденциальных разговоров ихтиолога К.Дневникова
и программиста И.Померанцева.

Подслушал Е.Пазухин.

Дневников. Как ты думаешь? Можно по одному номеру журнала "Часы" составить представление о состоянии современной русской неофициальной культуры?

Померанцев. Почему же нет. Вещь можно на основе 4-х стихотворений написать статью о русской религиозной поэзии 70-х годов.

Д. Ну, а если серьезно?

П. Вполне серьезно. Вот В. Кушев, например, определил всю поэзию Б. Шварц, как обнаружение "разнузданных эротических вожделений", используя простенький словарь, составленный на основе лексикон одного произведения.

Д. Ну, на Кушева ты зря нападаешь. Научность его подхода с этой стороны трудно подвергнуть сомнению. Особенно если учесть, что даже такой солидный исследователь, как Л. Микельсон, называет поэзию Драгомищенко религиозной, лишь на основе использования им одного и того же слова: "плещивый" - в двух текстах. /"Часы" №8, 1982г./

П. "Солидный" это потому что "из-за бугра"? Впрочем, это очень характерное для современного западного человека верхоглядство при обращении к русской проблематике.

П. Не в выигрышном ли положении находится наша критика? Раз смотрим беседу В. Кушева. Беседа четко делится на 2 части. Первую условно можно назвать - "практической", вторую - "теоретической" (хотя в ней тоже есть определенная практическая установка/. Так вот, в 1-й части производится "магическая стерилизация". Мы все знаем о существовании магического убийства у первобытных племен. "Слаблась кукла, изображавшая врага, называлась его именем и затем "убивалась". В беседе изготавливается кукла по имени "Шварц" и ей наносятся удары с явной сверхустановкой на творческую стерилизацию. Конечно, эта попытка обречена: такое не под силу даже опытному магу. Но тут знаменательна сама операция и, главное, ее мотивировка.

Д. Не стоит в споре повторять слабости оппонента. Мне кажется, что в тебе говорит раздражение. В конце концов, как Шварц, так и Пазухин дали достаточные основания для такой реакции.

П. Интересно, какие?

Д. Видишь ли, мы упрекаем Микельсона в том, что он строит аргументацию на крайне скудном материале. А, может быть, в этом-то как раз и преимущество его метода. Допустим... Допустим, микельсон — не очень солидный исследователь, зато у него есть школа. На Западе умеют работать с материалом. "Остаточное, имея небольшой инструментарий, филигранно обработать одну деталь — и результат будет куда научнее и убедительнее, чем при выспреннем многословии лрых монографий. Мы страдаем хроническим гигантизмом — болезнью провинциалов. Россия в этом отношении дает поразительное разнообразие примеров. Мы не можем ограничиться каким-то конкретным делом. Нам это скучно. Мы либо ничего не делаем, либо сразу разрешаем все "проклятые вопросы", да еще непременно так, как никто до нас не разрешал. Вот почему Б.Лварц малагает в поэме "новую религию", Б.Пазухин, вместо того, чтобы проанализировать стихи, богословствует по их поводу, а В.Кушев, вместо того, чтобы продемонстрировать несостоятельность пошлого синтеза, предлагает свою версию всей христианской цивилизации в целом.

П. Но это уж слишком, говорить, что поэзия и религия принципиально несовместимы. Другое дело, что концепция Кушева могла бы работать по принципу дополнительности с концепцией Пазухина. Вель пишет же Пазухин о крови, как о разжжении плотской похоти.

Д. Дело не в принципиальной, а скорее в формальной несовместимости. Поэтому Лварц вполне закономерно "шифрует" свои религиозные переживания, используя для этого фрейдистский словарь. Дело в том, что фрейдизм давно стал явлением "книжной культуры". Он сам уже используется в качестве одежды. Кушев попался на формальный прием. Вот почему шифровка Лварц кажется ему столь примитивной.

"Религиозная поэзия" по самой своей природе не может "раздеться", ибо тогда она перестанет существовать (по крайней мере, для читателя). Она как уэльсовский человек-невидимка исчезает по мере сбрасывания одежды. Хуже всего, когда она одеваается в одежды, имитирующие тело. Вообще, сами термины "религиозная поэзия", "рели-

гизное искусство" таит в себе исконное противоречие. Искусство не может принять в себя никакого содержания, кроме своего собственного (в т.ч. и религиозного).

Вспомним Элиота: "Философия, присутствующая в поэзии, утверждает себя тем, что с одной стороны не имеет значения истинна она или ложна, а с другой стороны, истинности ее не требует доказательств". В строгом смысле, поэзия не может стать ни религиозной, ни публицистической, ни философской и т.п., оставаясь при этом поэзией. Вообще, у искусства и религии всегда были очень сложные отношения. Что такое литургические тексты? Библия? ... Песнь песней? Разве нельзя считать, что логатическое учение о св.Троице создано¹ на основе стихотворений Григория Богослова, которого называли "поэтом Св.Троицы"? Другое дело, что Григорий Богослов, так же, как позднее Иоанн Дамаскин, а ранее Давид посвящали свои произведения только Богу и таким образом, их поэзия не попадает в контекст "искусства" в современном значении этого слова (Давид пел только перед Богом). Но для того, чтобы писать так, как писали они, мало быть "поэтом милостию Божией", для этого необходима перестройка всей жизни самим человеком. Более того: светское искусство, как правило, почиталось носителями религиозного сознания: чем-то антибожественным, суетным, чуть ли не бесовским.

Поэтому мы ничего не знаем о существовании искусства в древнем Израиле (если только они не были порождены влиянием языческого окружения). В законе даже существовал запрет на изображение животных и людей. Автор "Премудростей Соломона" пишет: "Пали обольщения-волшебного искусства и хвастовство мудростию подверглось помятению" (Прем. гл.17, ст.7). Слово "волшебное" употреблено здесь не в фигуральном светском смысле, а в прямом, религиозном: магическое, языческое, в сущности, сатанинское. Оно обольщает, т.е. выполняет ту функцию, которую, согласно эсхетике, обычно выполняют демоны. Это очень хорошо чувствовали многие поэты. Лорка, надриер, говоря, что "писать надо с бесами". То есть поэзия может стать религиозной, только перестав быть поэзией. Но это

означает только то, что религиозной поэзии (по крайней мере, в светском ее понимании) быть не может.

Где же выход из безвыходного положения? Естественно, — куда вошел, оттуда и выходи. Поэзия полностью должна отказаться от претензии быть религиозной и тогда в ней появится способность облекать собой религиозное. Поэзия может утверждать религию только "апофатически". Только став сама собой, т.е. безрелигиозной, она может стать в каком-то смысле религиозной.

П. Но ведь примерно так и выходит у Шварц. Правда, она идет еще дальше. Ее поэзия не просто безрелигиозна, но подчеркнута антирелигиозна, противобожественна. Она впечатает в прямую религиозность только в тех редких случаях, когда ей изменяет вкус, поэтическое чутье. Ее поэзия концентрируется вокруг религиозного, как черный абрис вокруг солнечного диска.

Д. По-твоему выходит: чем чернее, тем религиознее. Это уже противоположная крайность. Тогда, чтобы достичь религиозного эффекта действительно нужно описывать разнузданные вакханалии. Ты же сам только что сказал, что плотское развлечение противоречит понятию "христианская поэзия".

П. Да, но ты меня поправил, заметив, что кровь, как и другая физиологическая символика у Шварц, лишь шифр для передачи религиозных переживаний.

Д. Я полагаю, что "глубинные центры", из которых питается поэзия Шварц, это все-таки не сакрализованные физиологические функции, а духовные импульсы, обозначаемые через телесный план. Это, кстати, полностью подтверждается анализом "Простых стихов", почему-то не упомянутых Кушевым. Телесный план — план выражения, духовный — план содержания. Сама структура поэтического мышления Шварц — христианская (воплощающийся дух), несмотря на антихристианскую направленность понятийного ряда. Христианская, а точнее купецко-христианская (с акцентом на 1-й части) религиозность и является центром, из которого исходит, точнее, от которого отталкивается поэзия Шварц. Именно этим и объясняется использование ею религиозной симво-

лики (с обязательным семантическим сдвигом), а вовсе — не двусмысленностью и стремлением морочить "глупых читателей" и "умных критиков".

- П. А бы, пожалуй, тоже мог сочинить беседу, подобную Кушевской, назвав ее, скажем, "Чудовище в парике". Нетрудно было бы показать, что и его произведение — ничто иное, как приложение "книжной культуры к описанию элементарных физиологических функций". Потом можно очень красочно изобразить это необычайно косматое чудовище.
- Д. Да, Кушев на тебя сильно повлиял. Только при чем тут парик и вся эта "косматика"?
- П. Помнишь слова из записки Павухина о том, как под магическим взглядом Кушева лысеют последовательно: Он, Еварц, и все христианство с христианской культурой вкупе. По-моему, это неплохой образ для воспроизведения метода редукционистской критики. Во-первых, лысая голова фальшива, а во-вторых, градации волосатости-лысости — прекрасная метафора для обозначения различных степеней редукции, что, кстати, хорошо продемонстрировал Микельсон.
- Д. Я очень рад, что ты не стал писать ничего подобного и не задробился на всей этой ерунде. Давай лучше обратимся ко 2-й части "беседы". Ты сказал, что и в ней присутствует некая практическая установка.
- П. По-моему, Кушев решил проделать с христианством то же, что и со Еварц, т.е. произвести над ним операцию магического духоскопления. Кушев пытается стащить одежку с искусственно созданного им чучела христианского сознания точно так же, как он проделал это с куклой — "Еварц". В первом случае, цель — освобождение от творческого (у Кушева "экспозиционистского") механизма, во втором — от "механизма веры", но предлог — один и тот же, а именно: это будет полезно для христиан.
- Д. Насколько я понял, Кушев не только разоблачает христианство, но и предлагает альтернативу.
- П. В том-то все и дело, что в своем попечении о благе христиан он не ограничивается отрицанием христианских ценностей, но провозглашает взамен другие.

Разберемся по порядку. В начале статьи Кушев пишет по поводу Пазухина: "Меня удивляет его христианское простодушие - все принимать за чистую монету: и пресуществление вина в кровь, и претворение воды в вино, и преобразование плоти, и даже преобразование Еварц".

Д. Лично меня подобная характеристика смутила бы. Думаю, что трудно больше похвалить человека, исповедующему в наши дни христианство. Как бы Пазухин ни возгордился, прочитав про себя все это!

П. Да, конечно, характеристики наиболее существенных сторон христианского мировоззрения. Но именно от них Кушев и предполагает освободить верующих. Что же в противовес им исповедует автор беседы? Равноправие полов, любовь, инициацию. Такое впечатление, как будто птичка упала, не успев вылететь из клетки, т.е. лапка ее оказалась привязанной к прутьям клетки. Слегка изменив лексику, Кушев предлагает то же самое, что только что отверг. Разве христианство не провозглашает своей главной ценностью - любовь, снимающую все различия и делающую всех людей близкими? Что касается инициации, то это ("если смотреть снизу") ничто иное, как "преобразующая сила божества", мутация же - преобразование. Под влиянием инициации, которая определяется Кушевым как "внешнее действие, приводящее к изменению сознания" (в данном случае действие сверхъестественное) в мозгу обезьяны происходит мутация, которая пробуждает в нем "способность к символотворчеству, т.е. магическую способность". Так, по Кушеву, происходит "создание" человека. От христианской версии это отличается, в сущности, только тем, что вместо Бога действуют какие-то тайные магические силы, а религия заменяется магическими операциями.

Современный человек, с присущей ему всеразъедающей рефлексией, естественно, не может быть настолько простодушным, чтобы верить в догматы христианства, но зато он без всякого насилия над собой может поверить (и верит!!) в то, что девушка, подвергшаяся солнечной инициации в период 1-й менструации, может (цитирую): "заглядом убивать мужчин, превращать львов в звезды, влиять на погоду и благосостояние общины, превращать все живое в ка-

мень...." Кушев, конечно, не объясняет, почему мы на каждом шагу не натываемся на этих колдовских девушек, несмотря на то, что солнечное табу не существует с незапамятных времен. А задать такой вопрос неудобно (больше он простодушен). Правда, некоторые "спонтанно иницируются" и превращаются в "нимфеток". А если как следует постараться и "войти в поток", то можно даже "Христом" стать! Но Шварц безнадежно опоздала, т.к. не познакомилась в свое время с Кушевым, и не сумела воспользоваться благоприятным для инициации моментом. Шварц, конечно, не Христос, но, в принципе, если начать вовремя, можно им стать. Дерзайте, дочери!

Д. Ты хочешь сказать, что, вынув из ватрушки религию, Кушев начинил ее магией?

П. Вот именно. Без начинки-то, пожалуй, и есть не стали бы. А тут, представь себе, едят, за обе щеки уплетают! Дело в том, что интеллигентская мода на религию отошла, наступил оккультный бум. В современных магических учениях удивительно сочетаются иррационально-оргастические и рассудочно-сциентистские моменты, сакрализация эротических проявлений и предельный рационализм. Все эти характеристики, с точки зрения христианского богословия, — полностью подходят под определение демонизма. В сущности, Кушев предлагает нам ничто иное, как замену "библейского мифа" демоническим, выдавая его за библейский. Он пишет, что в "библейском мифе" звано "героини" в цепи: — "Боги-героини-герои" сохранено в образе Евы-искусительницы. Под Богом, в данном контексте, подразумевается змей, под героиней ("похищающей частицу Божественного разума") Ева, под героем — Адам. Плод с дерева познания, собственно, и есть тот самый "божественный разум", который "женщина-Прометей" передает человечеству в лице Адама. Т.е. сакрализации подвергается то, что в христианском богословии именуется "грехопадением", причем сакрализация осуществляется как в аспекте "плотского возжелания", так и в аспекте рационалистического познания. Да и змия, надо полагать, Кушев мыслит не отвратительным чудовищем, каким его изображает иудео-христианская тра-

ция, а прекрасной левой. Интересно то, что концепция Кушева формально близка библейской, и это особенно свидетельствует о ее демоничности: сатана — обезьяна Бога. Современные оккультные теории любят паразитировать на христианстве.

Д. По-моему,, ты преувеличиваешь опасность такого рода теорий. Мне кажется, что никто из их апологетов, в том числе и сам Кушев, всерьез их не принимают.

П. За отдельных людей ручаться не могу. Возможно, сам Кушев и не относится всерьез к тому, что пишет, но основная масса приверженцев подобных концепций воспринимает их с абсолютной серьезностью. И это вполне закономерно. Как только человек отвергнет "не согласующуюся с разумом и моралью" традиционную религию, и начнет исповедовать учение вполне рациональное и нравственное, он становится ярким сторонником какой-либо подобной теории. Так и должно произойти в соответствии с замыслом змея. Собственно, знание, которое предлагает Ева Сатана, и есть магическое ведение, дающее власть над миром: "будете, как боги, знающие добро и зло". Именно об этой "магической способности" и пишет Кушев.

Самый простой способ утратить разум — это попытаться насильственным образом обрести его. Бог наказывает за гордыню в первую очередь именно отъятым разумом.

Д. Ты хочешь сказать, что мифы, подобные тому, которое издает Кушев, возникают достаточно часто. А как ты определяешь характер современного мифотворчества?

П. Ну, прежде всего, любой мифотворец пообещает вам в краткой и доступной форме объяснить чуть ли не все мировоззрение. Т.е. в мифе всегда присутствует претензия на универсальность. Далее, очень важно, какими средствами он пытается реализовать эту претензию. Главный прием современного мифотворчества (как заметил один мой знакомый) — это расширение одной грани, одной стороны бытия по глобальным масштабам и стремление посредством ее объяснить все явления жизни. Претензия на "всеохватность" какой-либо концепции — формальный признак большинства творимых на наших глазах мифов.